НЕГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ОРГАНИЗАЦИЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ АДВОКАТУРЫ И НОТАРИАТА»

Доклад

Предмет: История и методология юридической науки
на тему:

«Объективная, абсолютная и относительная истина»

Выполнил:
Магистрант 1 курса
Саратова Г. В.

Проверил:
Федорченко А.А.

Москва, 2018

Содержание

Ведение……3

1. Понятие истины и ее критерии……..4

1.1 Объективная, абсолютная и относительная истина……...4

1.2 Практика как критерий истины……..10

1.3 Право и истина……12

Заключение……26

Список использованной литературы……27

Введение

Истина – согласие наших мыслей с действительностью, а также в формальном смысле – согласие наших мыслей с общими логическими законами.

Истина – верное отражение объективной действительности в сознании человека, воспроизведение её такой, какой она существует сама по себе, вне и независимо от человека и его сознания. Понимание истины как соответствия знания вещам восходит к мыслителям древности. Так, Аристотель писал: "...прав тот, кто считает разделенное (в действительности) – разделенным и соединенное – соединенным..." (Метафизика, IX, 10, 1051 b. 9; рус. пер., М.-Л., 1934). Эта традиция в понимании истины продолжена в философии нового времени (Ф. Бэкон, Б. Спиноза, К. Гельвеций, Д. Дидро, П. Гольбах, М. В. Ломоносов, А. И. Герцен, Н. Г. Чернышевский, Л. Фейербах и др.).

В идеалистических системах истина понимается или как вечно неизменное и абсолютное свойство идеальных объектов (Платон, Августин), или как согласие мышления с самим собой, с его априорными формами (И. Кант). Немецкий классический идеализм, начиная с И. Фихте, внёс в трактовку истины диалектический подход. По Г. Гегелю, истина есть процесс развития знания.

Представители экзистенциализма, вслед за датским мыслителем С. Кьеркегором, трактуют истину субъективно-идеалистически – как форму психологического состояния личности.

Точка зрения сторонников субъективно-идеалистического эмпиризма состоит в понимании истинности как соответствия мышления ощущениям субъекта (Д. Юм, Б. Рассел) или как соответствия идей стремлениям личности к достижению успеха (прагматизм), либо, наконец, как наиболее простой,

"экономичной" взаимосогласованности ощущений (Э. Мах, Р. Авенариус). Неопозитивисты рассматривают истинность как согласованность предложений науки с чувственным опытом. Конвенциализм (А. Пуанкаре, Р. Карнап) исходит из того, что дефиниция истины и её содержание носят условно-договорный характер.

Согласно диалектическому материализму, истинным являются те представления, понятия, идеи, теории, которые адекватно, верно отражают то, что есть в объективной действительности. В. И. Ленин называет объективной истиной такое содержание человеческих представлений, "...которое не зависит от субъекта, не зависит ни от человека, ни от человечества..." (Полн. собр. соч., 5 изд., т. 18, с. 123).

Наука – не склад готовых и исчерпывающих истин, а процесс их достижения, движение от знания ограниченного, приблизительного к всё более всеобщему, глубокому, точному. Этот процесс безграничен.

1. Понятие истины и ее критерии

1.1 Объективная, абсолютная и относительная истина

Истина – это цель, к которой устремлено познание, ибо, как справедливо писал Ф. Бекон, знание – сила, но лишь при том непременном условии, что оно истинно.

Вопрос о критериях истины, то есть об основаниях достоверности, разбирается в теории познания (гносеологии).

Истина есть знание. Но что такое истина, истинное знание? На протяжении всего развития философии предлагается целый ряд вариантов ответа на этот важнейший вопрос теории познания. Разброс мнений достаточно велик, однако наибольшим авторитетом и самым широким распространением пользовалась и пользуется классическая концепция истины, берущая свое начало от Аристотеля и сводящаяся к соответствию знания объекту.

Классическая концепция истины хорошо согласуется с исходным гносеологическим тезисом диалектико-материалистической философии о том, что познание есть отражение действительности в сознании человека. Истина с этих позиций есть адекватное отражение объекта познающим субъектом, воспроизведение его таким, каким он существует сам по себе, вне и независимо от человека, его сознания.

Существует ряд форм истины: обыденная или житейская, научная истина, художественная истина и истина нравственная. В целом же форм истины почти столько, сколько видов занятий. Особое место среди них занимает научная истина, характеризующаяся рядом специфических признаков. Прежде всего, это направленность на раскрытие сущности в отличие от обыденной истины.

Можно сказать, что относительная истина – это ступень на пути к истине абсолютной. Относительная истина содержит в себе зерна истины абсолютной, и каждый шаг познания вперед добавляет в знание об объекте новые зерна истины абсолютной, приближая к полному овладению ею.

Истина одна – она объективна, поскольку содержит знание, не зависящее ни от человека, ни от человечества, но она в то же время и относительна, т.к. не дает исчерпывающего знания об объекте. Больше того, будучи истиной объективной, она содержит в себе и частицы, зерна истины абсолютной, является ступенью на пути к ней. И в то же время истина конкретна, поскольку сохраняет свое значение лишь для определенных условий времени и места, а с их изменением может превратиться в свою противоположность. Благотворен ли дождь? Однозначного ответа быть не может, он зависит от условий.

В понимании проблемы истины в истории философии сложились два подхода: догматизм и релятивизм.

Представители догматизма (Е. Дюринг и др.) считали, что истина не может содержать в себе ни грана заблуждения, ибо иначе, какая она истина? Для Е. Дюринга – вечные истины в последней инстанции и составляют суть гносеологии.

Релятивизм (А. Богданов и др.) – абсолютизирует относительную истину, отрицая за ней объективный и абсолютный характер.

Для современной философской гносеологии присущ диалектический подход, согласно которому: диалектика включает в себя момент релятивизма, отрицания, скептицизма, но не сводится к нему, ибо в относительной истине всегда содержится ее объективное содержание.

Истина конкретна. Та истина, что вода кипит при 100 градусах цельсия, сохраняет свое значение лишь при строго определенных условиях. Положение о конкретности истины, с одной стороны, направлено против догматизма, игнорирующего перемены, происходящие в жизни, а с другой стороны – против релятивизма, отрицающего объективную истину, что ведет к агностицизму.

Но путь к истине отнюдь не усеян розами, познание постоянно развивается в противоречиях и через противоречия между истиной и заблуждением.

Заблуждение – это такое содержание сознания, которое не соответствует реальности, но принимается за истинное. Взять хотя бы идею самозарождения жизни, которая лишь в результате работ Пастера была похоронена. Или положение о неделимости атома, надежды алхимиков на открытие философского камня, с помощью которого все легко может превращаться в золото. Заблуждение – результат односторонности в отражении мира, ограниченности знаний в определенное время, а также сложности решаемых проблем.

Ложь – намеренное искажение действительного положения дел с целью обмануть кого-либо. Ложь нередко принимает облик дезинформации – подмены из корыстных целей достоверного недостоверным, истинного ложным. Примером подобного использования дезинформации может служить разгром Лысенко генетики в нашей стране на основе клеветы и непомерного восхваления своих собственных "успехов", что очень дорого обошлось отечественной науке.

Одним из основных принципов диалектического подхода к познанию является признание конкретности истины, что предполагает, прежде всего, точный учёт всех условий, в которых находится объект познания, выделение главных, существенных свойств, связей, тенденций его развития. Принцип конкретности истины требует подходить к фактам не с общими формулами и схемами, а с учётом реальных условий, конкретной обстановки. В. И. Ленин отмечал, что "...всякую истину, если ее сделать „чрезмерной”..., если ее преувеличить, если ее распространить за пределы ее действительной применимости, можно довести до абсурда, и она даже неизбежно, при указанных условиях, превращается в абсурд" (там же, т. 41, с. 46).

Истина относительна, поскольку она отражает объект не полностью, а в известных пределах, условиях, отношениях, которые постоянно изменяются и развиваются. Каждая ступень познания ограничена историческими условиями жизни общества, уровнем практики. И в этом смысле истина – "дитя эпохи". Каждая последующая научная теория по сравнению с предшествующей является более полным и глубоким знанием. Прежняя теория истолковывается в составе новой теории как относительная истина и тем самым как частный случай более полной и точной теории (например, классическая механика И. Ньютона и теория относительности А. Эйнштейна). Такое соотношение между теориями в их историческом развитии получило в науке название принципа соответствия. Диалектический материализм "...признает относительность всех наших знаний не в смысле отрицания объективной ис-

тины, а в смысле исторической условности пределов приближения наших знаний к этой истине" (там же, с. 139). Абсолютизация относительной истины, увековечение истины порождает заблуждение, догматизм мышления.

В каждой относительной истине, поскольку она объективна, содержится "частичка" абсолютного знания. Абсолютная истина есть такое знание, которое полностью исчерпывает предмет и не может быть опровергнуто при дальнейшем развитии познания. Человечество движется по пути овладения абсолютной истиной, которая в этом смысле складывается из суммы относительных истин. "...Человеческое мышление, – писал В. И. Ленин, – по природе своей способно давать и дает нам абсолютную истину, которая складывается из суммы относительных истин. Каждая ступень в развитии науки прибавляет новые зерна в эту сумму абсолютной истины, но пределы истины каждого научного положения относительны, будучи то раздвигаемы, то суживаемы дальнейшим ростом знания" (там же, с. 137).

В философии существуют вечные темы. К одной из них и относится проблема истины, которая по разному понимается и трактуется тем или иным философом, принадлежащим к одному из основных философских направлений. Кроме того, господствующий тип культуры вообще, и философской, в частности, в ту или иную историческую эпоху накладывает свой отпечаток на понимание данной проблемы.

Познавая окружающий мир с помощью чувств или мышления, мы делаем выводы относительно истинности или ложности наших знаний. Поэтому истина всегда выступает как основная цель всей познавательной деятельности, а с другой стороны, в философии она является одной из проблем исследования.

В современной гносеологии под истинной понимается единство результата и процесса, объективного и субъективного, абсолютного и относительного…

Истина есть результат конкретно-исторического познавательного отражения мира в виде знания его законов.

Истина есть процесс адекватного отражения мира в сознании человека как субъекта познания. Уже в предложенных определениях современной гносеологии содержится указание на то, что по своему содержанию истина носит объективный характер, ибо в ней адекватно отражаются объективные связи, свойства и признаки самого мира. По своей форме истина идеальна, субъективна, т.к. понятие истины относится к нашим знаниям о мире.

Необходимо всегда не упускать из виду, что истина всегда конкретна, ибо в ней отражается действительность конкретно-историческая, т.е. с учетом определенных условий, места и времени.

Важнейшим требованием диалектики является тезис: абстрактной истины нет, ибо она всегда конкретна, требующая рассматривать любой объект с учетом многообразия его связей с окружающим и познаваемым миром.

Короче говоря, истина есть конкретно-исторический процесс и результат все более полного и адекватного отражения мира в сознании человека.

В философской гносеологии существует общепринятая дифференциация **понятия истины – объективная, вечная, абсолютная и относительная.**

Объективная истина – есть такое содержание человеческих представлений о мире, которое не зависит от человека, ни от субъекта познания, ни от человечества вообще.

Вечная истина – есть такое содержание человеческих представлений о мире, которое не может быть опровергнуто (например, дата рождения человека и т.д.).

Абсолютная истина – есть исчерпывающее, абсолютное отражение мира в сознании человека, это предел, к которому стремится вся познавательная деятельность человека, это момент или часть в составе объективной истины.

Относительная истина – это неполное, приблизительно верное отражение мира, выражающее историческую обусловленность и ограниченность познания.

Абсолютная истина складывается из суммы относительных истин, и этот процесс познания носит бесконечный характер, в основе которого лежит общедиалектический принцип взаимодействия. Поэтому нельзя абсолютно противопоставлять абсолютную истину – истине относительной, ибо истина – это всегда диалектический процесс вечного и бесконечного приближения мысли к объекту познания.

1.2 Практика как критерий истины

Высшим критерием истины, который содержит в себе внутреннюю диалектику относительного и абсолютного, **является практика**. Практика, ее неопределенность, не позволяет знаниям превратиться в абсолют, и в то же время практика носит строго определенный характер, позволяющий четко отделить в знании истинное от ложного.

Таким образом, истина – это не есть абстрактное, мертвое, раз навсегда данное представление о мире, зафиксированное в логико-понятийной и теоретической форме. Наоборот, истина всегда конкретна и диалектична. Поэтому способом существования познания является его приращение и развитие знания, связанного с переходом от незнания к знанию, от неполного, неточного знания к более полному и точному. Основой этого процесса является практика.

Критерий истины находится не в мышлении самом по себе и не в действительности, взятой вне субъекта. К. Маркс писал, что "вопрос о том, обладает ли человеческое мышление предметной истинностью, – вовсе не вопрос теории, а практический вопрос. В практике должен доказать человек истинность, т. е. действительность и мощь, посюсторонность своего мышления. Спор о действительности или недействительности мышления, изолирующегося от практики, есть чисто схоластический вопрос" (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., 2 изд., т. 3, с. 1,2). В нашем сознании правильно, объективно то, что прямо или косвенно подтверждено на практике, или то, что может быть осуществлено на практике. Если человек сравнивает своё понятие о вещах с др. понятиями, практически уже удостоверенными, он тем самым опосредованно сравнивает своё понятие с самим предметом. Соответствие понятия предмету доказывается в полной мере лишь тогда, когда человеку удаётся найти, воспроизвести или создать предмет, соответствующий тому понятию, которое он образовал.

«Практика – критерий истины» - обобщенное литературное высказывание. В нормальной формулировке это должно звучать так: «Для юридических исследований общественно-историческая практика – критерий истины», а не профессиональная юридическая практика – критерий истины. Есть юридическая наука. Результаты юридической науки проверяются на истинность социальной практикой, а юридическая практика как один из процессов социальной практики или ее фрагмент имеет с юридической наукой двухсторонние отношения: с одной стороны она строится на основании научных разработок, а с другой – научные идеи и теории проверяются обстоятельствами, сложившимися в юридической практике. Но ни в коем случае это не критерий истины. Критерий истины – вся общественно-историческая практика.

В соотношении с практикой есть ряд проблем, которые надо учитывать. Весь массив социальных практик имеет естественно-искусственную природу, т.е. каждые конкретные фрагменты социальной практики имеют

искусственную природу. Мы их рассматриваем как искусственно созданные конструкции (политическая, экономическая и др. практики), но, получив такое конструирование и приобретя формы социального существования, эти конструкции овеществляются, т.е. они становятся независимыми от прямого рационального управления и начинают подчиняться законам причинности и случайности, законам нелинейных процессов, и поэтому они становятся естественными. Осмысление возникающей действительности создает новые представления о ней, оискусствляется в теоретических представлениях. Оискуственные отношения снова переходят в область практического осмысления.

1.3 Право и истина

Право должно стремиться к справедливости, справедливому регулированию общественных отношений, справедливому разрешению правовых споров. Но, как очевидно, невозможно справедливо разрешить спор без уяснения того, что произошло, без установления действительных обстоятельств произошедшего или содеянного. Без понимания реальной картины события говорить о справедливом или несправедливом решении бессмысленно, так как невозможно объективно оценить малоизученный предмет. Невозможно принять справедливое решение по делу, если мы знаем только десятую часть того, что произошло. Иными словами, для принятия справедливого решения по делу должна быть установлена объективная реальность произошедшего, т. е. объективная истина.

Процессуальное право России в отличие от права многих западных государств было нацелено на достижение именно объективной истины. О необходимости ее установления писали многие юристы в досоветское время. В советский период на установление именно объективной истины был направлен весь процесс судопроизводства, в первую очередь – уголовный процесс.

Во многих западных странах, напротив, устанавливать объективную истину было не принято, в этих странах не было ощутимого господства диалектики и основанной на ней теории познания. В философии и культуре таких стран были достаточно распространены другие теории познания, в том числе о невозможности установления объективной истины.

При таких обстоятельствах на Западе «родилось» нечто, получившее название «юридическая истина». Указанное понятие имеет мало общего с объективной истиной в философском смысле и связано с решением суда, вынесенным по конкретному делу. И такое решение, вынесенное с соблюдением всех необходимых процедур, считается не просто законным, но и истинным! Фактическая истинность юридической истины условна. Она может совпадать с объективной истиной, а может и не совпадать. В реальности юридическая истина представляет собой некую условную единицу оценки справедливости правосудия. Юридическую истину можно назвать своеобразным плодом, результатом договоренностей, принятых в обществе в части правосудия.

Изложенное иллюстрирует влияние культуры и ментальности Запада на право. Западное общество прагматично. Там выгоднее быстро и однозначно разрешать споры, нежели «копаться» в нюансах дела. Общество привыкло к тому, что оптимальнее принимать решения по правовому прецеденту, чем заново исследовать все доказательства для поиска этой неведомой «справедливости». Кроме того, для Запада всегда имела особое значение экономика. Возлагать судебные затраты на стороны дела – практика, складывавшаяся за рубежом столетиями. Это затраты, не только связанные непосредственно с судопроизводством, но и направленные на собирание доказательств. Суд по сложившейся там практике не должен искать доказательства и доказывать. Он выступает арбитром и лишь оценивает доказательства, на собирание которых стороны понесли затраты, подчас значительные.

Кроме того, фактор быстроты правосудия имеет как психологическую, так и опять же экономическую значимость. Плюс к этому устанавливать юридическую истину, безусловно, проще, чем объективную. Принять решение о том, кто лучше доказал правоту, проще, чем подробно разбираться в деле.

В результате западное общество привыкло к тому, что тот, кто привел лучшие аргументы, прав с точки зрения суда. А кто прав – за тем и юридическая истина. И неважно, что на самом деле эта истина вовсе не истина, а фикция, ширма. С Запада же пошла традиция заключения договоренности с судьей, сделки с правосудием.

В целом любой судебный процесс – деятельность познавательная. Можно ли с точки зрения познания считать юридическую истину действительно истиной? Очевидно, нет. С философской точки зрения юридическая истина — это вообще не истина. Слово «истина» в данном словосочетании, наверное, было выбрано из корректности к правосудию. Юридическую истину еще нередко называют формальной истиной, конвенциальной истиной, судебной истиной, договорной истиной. Применяемые в данном случае как синонимы слова «формальная», «конвенциальная», «судебная», «договорная» – тоже, видимо, были выбраны для того, чтобы подчеркнуть ложность и некорректность употребления термина «истина» в таких случаях.

Никакой юридической истины на самом деле нет. Бывают истинные знания, т. е. истина, правда, и неистинные знания, т. е. ложные, неточные, неверные. Как писал классик, осетрина бывает только первой свежести. Осетрина «второй свежести» означает, что она тухлая.

Когда мы говорим о юридической истине, то скорее всего подразумеваем под ней конкретное судебное решение, кажущееся наиболее подходящим для определенной ситуации. Если же слово «истина» важно, то следует

употреблять термин «условная истина», т. е. знание, которое можно считать соответствующим действительности (верным, точным) только с той или иной долей допущения. Термин «условная истина», думается, будет подчеркивать условность и возможную неточность таящихся за ним знаний.

Влияние Запада повлекло судебные реформы российского процесса, которые выразились в том числе в определенной дискредитации принципа объективной истины. Например, в ГПК РФ стали включаться положения, изначально препятствующие ее установлению: преюдиция, заочные решения.

Под влиянием реформ некоторыми учеными высказываются суждения, что современные АПК РФ и ГПК РФ на установление объективной истины более не нацелены. О. В. Баулин, например, пишет, что требование точного отражения обстоятельств дела в решении фактически превращает суд в розыскной орган.

Соответственно, в арбитражном и гражданском судопроизводстве предлагается устанавливать юридическую истину. При этом принцип установления такой истины трактуется как нормативно-руководящее начало гражданского процессуального права, согласно которому движение судебного процесса «должно идти в направлении использования всех предусмотренных гражданско-процессуальными нормами средств для достоверного, а в случае невозможности или предусмотренной законом нецелесообразности – вероятного установления обстоятельств, имеющих значение для правильного разрешения дела по существу».

Однако указанный подход справедливо критикуется. Так, М. К. Треушников считает, что утверждения авторов, отвергающих достижение истины как цели правосудия, построены на абстрактных и формальных суждениях. За основу для рассуждений берется отсутствие в ГПК РФ указания на обязанность суда принимать все предусмотренные законом меры для всесторон-

него, полного и объективного выяснения действительных обстоятельств дела. Действительно, указывает этот автор, изменилась концепция ГПК РФ с точки зрения действия принципа состязательности как механизма достижения истины, но не отказа от этой цели правосудия. Наоборот, в ГПК РФ и АПК РФ расширен набор видов доказательств, детализированы правила оценки доказательств, введен регламент участия специалиста в процессе, сохранены ранее существовавшие гарантии проверки законности и обоснованности судебных актов. Аналогичной точки зрения придерживаются и другие специалисты.

Утверждения ряда авторов о том, что по современному гражданскому процессуальному и арбитражному праву России перед судами не ставится цель достижения истины, и суды не достигают этой цели, расходятся с объективными показателями судебной статистики. Таковыми являются результаты деятельности судов в апелляционной, кассационной и надзорной инстанциях. Основанием отмены судебных актов данными инстанциями, как правило, являются судебные ошибки и неустановление судом первой инстанции истины по делу.

Ранее, до современных процессуальных реформ, принцип объективной истины в арбитражном и гражданском процессах был практически незыблем. Известный русский юрист Е. В. Васьковский писал: цель доказывания – установить, что утверждение тяжущегося истинно. В советское время суд также был обязан принять все меры для установления объективной истины. Для установления истины в процессе государственный арбитраж, а в гражданском процессе – суд общей юрисдикции должны были непосредственно убедиться в наличии фактов, на которые ссылаются стороны в обоснование своих требований и возражений. Почему это ясное и ранее понятное всем требование перестало устраивать некоторых процессуалистов, не вполне понятно.

Конечно, арбитражный и гражданский процессы имеют меньше возможностей по установлению объективной истины по сравнению с уголовным судопроизводством. Вместе с тем, и в арбитражном, и гражданском судебном разбирательстве необходимо стремиться к установлению именно объективной истины. И уже тем более объективную истину необходимо устанавливать в уголовно-процессуальном праве. Арбитражный процесс и гражданский процесс при всей их важности не связаны с преступлением – наиболее общественно опасным правонарушением. В арбитраже и гражданском судопроизводстве не могут признать человека преступником и на длительное время лишить свободы. Поэтому в уголовном процессе цена ошибки особо велика. В связи с этим в уголовном судопроизводстве требуется обязательное установление именно объективной истины.

На уголовном процессе в связи с этим остановимся чуть подробнее.

В целом, как верно заметил С. А. Шейфер, до принятия в 2003 г. нового УПК РФ большинство исследователей склонялись к мысли о том, что целью доказывания является установление объективной (материальной) истины и что эта цель достижима, несмотря на возникающие перед субъектом доказывания трудности и препятствия. Считалось, что одним из принципов уголовного процесса является нацеленный на установление объективной истины принцип всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела следственными и судебными органами, выявление ими как уличающих, так и оправдывающих обвиняемого, а также смягчающих и отягчающих его ответственность обстоятельств. В законе была закреплена и обязанность председательствующего в судебном заседании добиваться установления истины. УПК РФ не воспроизвел этих положений. Ученые, причастные к подготовке нового закона, объясняли это тем, что требование всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела не совместимо с положенным в основу УПК РФ принципом **состязательности**, а также с особой ролью суда, призванного в качестве арбитра, не вставая ни на одну, ни на

другую сторону, разрешать спор между обвинением и защитой. Однако и при таких сумбурных требованиях УПК РФ цель установления объективной истины по делу, даже не будучи ясно и четко сформулированной, по-прежнему является гарантией законности и соблюдения прав человека.

Специалисты верно отмечали, что отказ от принципа установления истины в уголовном процессе, равно как и исключение из УПК РФ принципа всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств преступления, в свою очередь, подрывает принцип законности в уголовном судопроизводстве. Создается парадоксальная ситуация, когда, с одной стороны, уголовно-процессуальный закон обязывает органы уголовного преследования устанавливать обстоятельства, входящие в предмет доказывания, а с другой – установление объективной истины целью доказывания не является.

Необходимость установления объективной истины, как никакая другая цель, способствует защите прав человека. Она связана с признанием виновным лица, действительно совершившего преступление. Именно установление объективной истины препятствует незаконному осуждению, осуждению невиновных, обеспечивает защиту их прав и т. д., и она обязательно должна быть отражена в приговоре.

Приведенные доводы свидетельствуют о том, что довлеющий в современном УПК РФ принцип состязательности вполне сочетаем с принципом всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела.

Что касается суда, выступающего, по мнению авторов действующего УПК РФ, лишь в качестве не устанавливающего объективную истину рефери, следует обратить внимание на точку зрения С. А. Шейфера. По его мнению, с такой конструкцией нельзя согласиться по ряду причин, и прежде всего ввиду бесспорности требования о том, что обвинительный приговор не может быть основан на предположениях. Это требование вкупе с определе-

нием обоснованности приговора как соответствия фактическим обстоятельствам дела означает, что, вынося обвинительный приговор, суд должен быть убежден в правильности своего вывода о виновности подсудимого, т. е. должен руководствоваться не формальной, а материальной, объективной истиной. Предложенная конструкция основана также на ошибочной трактовке роли в состязательном процессе суда, будто бы полностью отстраненного от установления фактических обстоятельств дела. Суд, оставаясь субъектом доказывания и будучи объективным и беспристрастным арбитром, вправе, однако, собирать доказательства для того, чтобы проверить доказательства, уже представленные ему, либо прояснить то или иное неясное обстоятельство.

Известен афоризм древнеримского юриста Минуция: истина идет навстречу тому, кто ее ищет.

Наиболее остро указанную проблему воспринимают сотрудники следствия, оперативных подразделений, прокуратуры. Абсолютное большинство практиков признает: устанавливать объективную истину необходимо, чтобы избежать повторения беззаконий, творившихся в России в 1930-1940-х гг., и массовых репрессий, когда отыскивать объективную истину формально требовалось, но на самом деле это не поощрялось. В 2008-2009 гг. был проведен опрос 500 оперативных сотрудников со стажем работы более одного года – 477 (95,4%) из них считали необходимым устанавливать именно объективную истину.

Уже не только в научных публикациях, но и на практике приходится сталкиваться с удивительным мнением: даже если следователь уверен в невиновности обвиняемого, он все равно должен направить уголовное дело в суд для вынесения оправдательного приговора. Это аргументируется тем, что оправдательный приговор провозглашает лицо невиновным в совершении преступления, а постановление о прекращении дела вопрос о виновности обвиняемого полностью не снимает. Но если устанавливать объективную исти-

ну суд не должен, то при указанных обстоятельствах он может вынести как оправдательный, так и обвинительный приговор.

Таким образом, представляется, что ранее сформированный в России подход к обязательному установлению объективной истины приемлем и необходим для судопроизводства. При этом исповедуемый в ряде стран принцип установления юридической истины в силу своей неоднозначности неоднократно попадал под критику, причем иностранных специалистов. Применение этого принципа может быть более или менее успешным, если сложились вековые традиции судопроизводства и законопослушания. Например, в западном обществе значительно более высокий, чем в России, уровень правосознания. У них обман суда, предоставление заведомо ложной информации не типичны. У нас обманы суда, органов полиции, представителей власти встречаются нередко. При этом обман суда во многих западных странах очень строго наказывается (опять же в отличие от России).

Возвращаясь к философии, отметим для себя эту рассмотренную нами грань права: право на самом деле не всегда нацелено на справедливость и объективную истину, т. е. в праве заложено противоречие: оно должно по определению быть справедливым, честным, но предусматривает и возможность несправедливости. Надеемся, что юристы понятие справедливости понимают одновекторно и откажутся от терминов «юридическая справедливость», «юридическая честность», «формальная справедливость», «условная честность» и т. д.

Кроме того, как видим, в самом праве изначально заложена возможность ошибки при принятии судебного решения. Это тоже является одной из интересных граней. Ведь если задуматься над этим, то получается, что право в своих нормах допускает ошибку и фактически регламентирует процесс ее получения. В частности, состязательный процесс показывает, что в споре субъектов как минимум один ошибается или умышленно лжет.

На деле принцип состязательности сторон в уголовном процессе означает, что при опытном прокуроре и неопытном защитнике победит сторона обвинения независимо от того, действительно ли виновен подсудимый. И напротив, при опытном адвокате и неопытном прокуроре велика вероятность его оправдания, в том числе и действительно виновного. И это заложено в правовых нормах, причем считается важным демократическим принципом.

Екатерина II говорила о том, что лучше отпустить двух виновных, чем осудить одного невиновного. Это утверждение стало расхожим и подается как мудрость, его часто цитируют.

Можно с таким подходом не согласиться: и отпустить виновного, и осудить невиновного одинаково плохо. Отпуская виновного, мы удостоверяем слабость правосудия, формируем убеждение в безнаказанности преступлений и тем самым допускаем возможность их совершения. Если бы серийных убийц вовремя задерживали, то серийности как таковой не было бы. Серийными маньяки становились после того как убеждались, что за преступления, даже самое страшное из них – убийство, наказания не последует.

Надо также помнить, что когда преступление непосредственно тебя не затронуло, то об оправдании преступника рассуждаешь относительно спокойно. Но если оправдывают убийцу твоих близких, относиться индифферентно к этому не получается. У людей возникает жажда суровой справедливости. И их можно понять. Родственники убитых с тезисом Екатерины II вряд ли согласятся.

Возвращаясь к истоку дискуссии, следует сказать, что у обвиняемого в последнее время появилось много прав, дающих ему возможность запутать следствие, ввести в заблуждение суд, а в конечном счете избежать ответственности. Например, право давать неправдивые показания, не свидетельствовать против себя и др. Это серьезные и важные права обвиняемого, за-

крепленные во многих правовых нормах. Но эти правовые нормы, получается, допускают несправедливость и нечестность права, если ими успешно воспользуется действительно виновный обвиняемый или его защитник.

В то же время государственные органы имеют много прав и возможностей, в том числе для того, чтобы отправить в тюрьму невиновного. При опытных следователе и прокуроре обвинительный приговор в отношении невиновного – тоже реальность. Речь, подчеркнем, идет не о привлечении заведомо невиновного, а о том, что следователь и прокурор искренне убеждены в виновности подозреваемого (обвиняемого), хотя на самом деле он не виноват (общеизвестный пример – роль Жеглова в фильме «Место встречи изменить нельзя»). Иными словами, возможность принятия ошибочного решения в уголовно-процессуальном праве фактически заложена.

В гражданском процессе возможность принятия ошибочного решения предусмотрена тем более.

Гражданский процесс характеризуется, прежде всего, тем, что обязанность доказывания лежит на сторонах. Если одна из них не представляет суду доказательства, то суд, в сущности, не обязан даже предполагать их наличие в природе. При этом действия сторон гражданского процесса в сфере доказывания имеют целью вовсе не установление «истины», а утверждение собственной версии (собственной позиции по фактическим обстоятельствам дела) в качестве основы для будущего судебного акта. В основу же судебного акта может быть положена всего лишь наиболее непротиворечивая версия, основанная на формально допустимых доказательствах. Противоположная версия может стать жертвой нарушений, допущенных ее же стороной при сборе доказательств либо жертвой пассивности ее же стороны гражданского процесса. При этом версия, павшая жертвой пассивности и незаинтересованности той стороны, которая была обязана ее поддерживать, вполне может удовлетворительно соответствовать реальности. Однако если доказательства

в ее пользу, например, просто не представлены суду, то суд будет исходить из представленных ему относимых и допустимых доказательств, даже если это приведет к принятию за основу другой версии.

Если предельно коротко изложить позицию этой точки зрения, то суд по гражданским делам не устанавливает истину в принципе, он устанавливает то, что вытекает из доказательств, которые ему были представлены сторонами (нередко одной, более активной и заинтересованной стороной). Суд не может быть чрезмерно озабочен предположениями о том, что бы получилось, если бы вторая сторона тоже была в достаточной степени активна и представила свои доказательства (о существовании которых суду, в общем-то, не известно, если сама сторона их не использует). Суд не может действовать с постоянной оглядкой на то, что при ином поведении сторон и сами «установленные обстоятельства» могли бы быть принципиально другими. Если бы проигравшая сторона ценила свои права и обязательства достаточно высоко, она бы активно представляла доказательства. Раз она не представляла доказательства, значит, находилась в состоянии сознательного допущения, что суд установит те обстоятельства, которые предлагает установить противоположная сторона.

Так, можно сказать, что сторона, проигравшая спор (и которую мы называем «проигравшей» совершенно условно), нередко совершенно сознательно распорядилась своими правами (не только процессуальными, но и материально-правовыми). В этом случае абсолютно недопустимо возлагать на суд ответственность за то, как гражданин или организация относится к своим правам и повседневным гражданско-правовым отношениям. Государственный контроль над правосознанием граждан и, как следствие, оформлением отношений между субъектами экономического оборота в современном демократическом обществе абсолютно недопустим.

Подобная точка зрения нашла свое отражение в высказывании: в современном гражданском процессе нельзя говорить и о том, что суд должен стремиться к установлению объективной истины, поскольку решение суда выносится на основе только тех доказательств, которые были исследованы в судебном заседании. Суд тем самым устанавливает так называемую формальную истину, определяемую границами «доказательственной деятельности».

Также и профессор А.Ф. Клейнман отмечал: доказывание должно представлять собой процессуальную деятельность только сторон по утверждению о фактических обстоятельствах дела, предъявлению доказательств, опровержению доказательств противоположной стороны.

Вот еще пример: по мнению профессора И.М. Резниченко, «новейшее гражданское процессуальное законодательство демонстрирует эволюцию принципа объективной истины... к принципу формальной истины». «Ныне суд не обязан принимать все меры по выяснению действительных обстоятельств дела, прав и обязанностей сторон; былая активность суда полностью перекладывается на стороны, на лиц, участвующих в деле. Роль суда ограничивается триадой: создание условий для всестороннего и полного исследования обстоятельств дела; разъяснение участникам процесса их прав и обязанностей, последствий совершения или несовершения процессуальных действий; оказание содействия в предусмотренных законом случаях в осуществлении их прав, т.е. роль суда проявляется и исчерпывается функциями разъяснения и содействия». (Угренев А.Ю. Что есть истина…// Арбитражный и гражданский процесс. 2011. N 9. С. 5-10.)

Эти нормы, открывают важную сторону права – допущение ошибки и несправедливости. Изначально надо понимать, что, обращаясь к праву за защитой, можно наткнуться на несправедливость. И при этом несправедли-

вость – парадокс права – при соблюдении правовых процессуальных формальностей тем не менее будет считаться правовым решением.

Таким образом, получается, что право закладывает в себя возможность нечестности, обмана, хотя и стремится к справедливости. Это диалектическое противоречие права внутри себя. С философской же точки зрения важно понять, что гранью права является осознанный допуск ошибки и несправедливости.

4 октября 2010 г. в Институте государства и права РАН состоялись пятые философско-правовые чтения памяти В. С. Нерсесянца по теме «Стандарты научности юридической теории». Участники чтений, как следует из опубликованных материалов, выработали стандарты и критерии научности в теории права. К стандартам научности юриспруденции относят в том числе требование истинности, к критериям: «Истинность (адекватность, обоснованность, достоверность, целостность, недвусмысленность) исследовательского восприятия в процессе описания и объяснения права как воплощения законной справедливости».

Таким образом, для юридической науки правоведы тоже требуют установления объективности, истинности, правды. Иначе и не может быть, ибо при отсутствии истинности в науке сама наука теряет смысл. Но остается загадкой, почему, признавая возможность и необходимость установления истины в правовой науке, некоторые правоведы не считают необходимым достижение истины в правоприменении. Очевидно, что в судопроизводстве необходимо устанавливать объективную истину. Юридическая истина с точки зрения теории познания истиной не является. Можно именовать ее условной истиной, чтобы подчеркнуть условность и возможную неточность таящихся за ней знаний.

Заключение

1. Концепт истины присутствует в юриспруденции и жизненно необходим для нее.

2. Как и в любой другой науке, концепт истины позволяет выбраковывать в юриспруденции такие положения, которые не соответствуют ее статусу.

3. Любое положение истинно лишь в случае, если оно успешно включается в ту систему концептуальной трансдукции, которая характерна для юриспруденции. Именно концептуальная трансдукция является механизмом реализации концепта истины.

В заключение можно сделать следующие выводы. Истина может быть абсолютной и относительной, но в любом случае она объективна. Формальная истина есть ложь. В законодательстве необходимо по возможности закреплять требование объективности к участникам процесса. При этом имеются три случая, ограничивающих это требование: правило допустимости доказательств, наличие не подлежащих доказыванию фактов и презумпций, а также ограниченность времени, финансовых и иных ресурсов. Применительно ко всем этим случаям можно заметить одно: цель достижения истины должна оправдывать затрачиваемые на неё средства.

Список использованной литературы

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. Закон от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (в ред. о 07.05.2013 г.) // Собр. Законодательства Рос. Федерации. 2002. № 220. Ст. 4532.

2. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. Закон от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (в ред. от 02.11.2013 г.) // Собр. Законодательства Рос. Федерации. 2002. № 30. Ст. 3012.

3. Ленин В.И. Полное собрание сочинений, 5-е изд., тт.18, 41.

4. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2-е изд., т.3.

5. Аверин М.Б., Никитин. П.В., Федорченко А.А. История и методология юридической науки. Курс лекций. – М.: РПА, 2012 г.

6. Боннер А.Т. Проблемы установления истины в гражданском процессе. Монография. С.-Пб., 2009.

7. Жуйкова В.М., Пучинский В.К., Треушников М.К. Научно-практический комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). М.: Омега-Л,2013.

8. Бубон К.В. К вопросу о правовой категории «истина» в гражданском и уголовном процессе и ее месте в ряду правовых ценностей // Адвокат. 2012. N 5.

9. Гущин В.З. Принцип объективной истины в гражданском судопроизводстве // Современное право. 2011. N 10.

10. Угренев А.Ю. Что есть истина…// Арбитражный и гражданский процесс. 2011. N 9.

11. Треушников М.К. Судебные доказательства. М., 2005.

12. Случевский В.К. Учебник русского уголовного процесса. М., 2008.

13. Соловьев А.Б. Актуальные проблемы досудебных стадий уголовного судопроизводства. М., 2006.

14. Уголовный процесс/под ред. К.Ф. Гуценко. М., 2004.

15. Шейфер С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам. М., 2009.